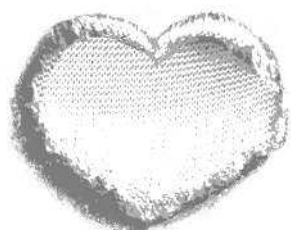

**ВАЛЕРИЙ
ШЕМЯКИН**

**ВАЛЕРИЙ
ШЕМЯКИН**

**Дэзи
и ее
мертвый
дед**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш46

Оформление серии *А. Дурасова*

Издано в авторской редакции

Шемякин, Валерий Константинович.

Ш46 Дэзи и ее мертвый дед / Валерий Шемякин. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Национальная рать рекомендует!).

ISBN 978-5-04-102638-7

Она любит резать.

В основном – старую одежду. Специально покупает в секонд-хенде. Приятнее всего резать плотные ткани.

На себе.

Он умирает.

Но никак не умрет, опрокидываясь в воспоминания о прожитой жизни. Безмолвно наблюдая за внучкой-подростком, которая наблюдает за ним.

Она сводит с ума.

Мечта лучшего друга отца. Ей 13. Но ничего не происходит...

Сборник Валерия Шемякина напоминает короткую прозу Шервуда Андерсона и Фланнери О'Коннор – с поправкой на российскую действительность. Тонкие грани возможного, полутона и опасная правда, которая вот-вот, но никогда не откроется.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шемякин В., текст, 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102638-7

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Вторые руки

Надо же — она резала!

Мог ли он представить себе такое, разглядывая ее украдкой, — ее груди, ягодицы, перекатывающиеся под одеждой, серые глаза, наполненные юношеской безмятежностью, губы, тронутые игривой улыбкой. Девушка-студентка. Практикантка. Ее тексты были отвратительными, написанными бездумно, бездарно, безграмотно. В них были нечеловеческие слова, неуклюжие конструкции, полное отсутствие мысли.

Он сердито выговаривал ей, черкая распечатку, выбрасывая куски, вписывал что-то свое, переставлял слова, расставлял знаки препинания, исправлял ошибки. Она покорно выслушивала его и переносила все исправления в компьютер, распечатывала по новой и, глядя на него своими бесцветными глазами, снова клала распечатку перед ним. Текст становился лучше, чище, грамотнее, но оставался таким же бездарным и никому не нужным. Он говорил ей, стуча пальцем по рукописи, включи, наконец, мозги, нельзя же вот так механически делать только то, что велю тебе я. Она грустно улыбалась и кивала. Наклонялась к столу, внимательно рассматривая его палец, при этом пупок на голом животе

Валерий Шемякин

сжимался в неровную щель, принимал обиженное выражение, по-детски трогательное. Он говорил, надо больше читать, работать над собой, надо взять за привычку переписывать в свой компьютер чьи-то качественные тексты, размышлять над ними, анализировать, пытаться понять, почему так хорошо получается у кого-то, а у тебя — нет. Надо думать!

Он говорил все это, заметно волнуясь, почти кричал и ощущал бессмысленность своих слов, внутреннюю пустоту и безысходность. Она кивала и смотрела на него понимающими глазами...

Когда он вышел из офиса, она стояла у выхода и курила. Лицо у нее было приветливым, казалось, ей было приятно видеть его. Ему стало неловко. Он испытывал что-то похожее на запоздалый стыд за свою крикливую несдержанность. Господи, да в чем она виновата? И кто их учит? Такие же безмятежные, не способные к самостоятельной работе люди. Сам-то ты был, вспомни. Тебя разве не черкали, не ругали, не правили?..

Ему захотелось сказать ей что-то доброе, приободрить, подсказать какой-то иной путь, посоветовать избрать дело, не связанное с этой идиотской писаниной. Ну не твое это, не твое, хотелось сказать ему, пожалей себя и меня, ты такая ладная, молодая, счастливая, зачем тебе эта бестолковщина, эти мучения, пытки. Вместо этого он молча потоптался на крыльце, достал сигарету, помял ее, она с готовностью протянула ему свою зажигалку.

Вторые руки

— Что ты любишь больше всего, Света? — спросил он, прикуривая.

Она пожала плечами:

— Не знаю.

— Ну, есть у тебя любимое занятие? Какое-то увлечение? — он вдруг заволновался и чуть было не произнес «страсть». — Должно быть.

Она помедлила, помотала головой и сказала тихо, почти шепотом:

— Нет.

— Не может быть такого. Ведь что-нибудь ты любишь делать?..

Господи, подумал он, для кого-то счастье — само ее существование. Создала же природа такой лакомый кусочек! В его голове возникла уже совершенно непотребная картина — он представил ее в чьих-то объятиях. Он видел ее обнаженной, как бы изнутри, при этом билось в голове нечто, определяемое словом «эластичность». Ему было нехорошо от этих мыслей, и он отвернулся, выпуская струю дыма в сторону.

— Резать, — сказала она.

— Резать? — переспросил он. — Что резать? Для чего? Чем?

— Ножницами.

— Вырезать что-нибудь?

— Нет. Просто резать.

— Ты любишь кроить? Шить?

— Нет. Напротив.

— Не пойму я что-то, Света.

— Я просто люблю резать ножницами все, что попадает под руку.

Валерий Шемякин

— Из бумаги?

— Больше люблю резать ткани. Тряпки всякие. Одежду. Что-нибудь ненужное...

— Ненужное?

— Да. Но, бывает, и нужное что-нибудь случайно порежу, — она коротко хихикнула. — Мама меня тогда в клочья готова разорвать. Сижу как-то за столом и скатерть режу, сама не замечаю... Она чуть меня не убила...

— Скатерть? — он не знал, что сказать по поводу услышанного.

— Да. Ну, это всего раз было. Люблю резать плотные ткани. Тонкие. Чтобы они скрипели, когда их режешь. Такой звук... Режущий... Такого больше не бывает... Мягкие всякие, шерстяные, трикотаж так не скрипят...

Она смутилась. Замолчала.

— Представляю, — он действительно представил этот звук — когда ножницы режут плотную синтетическую ткань, этот характерный скрип, звук ни на что не похожий...

— Где же ты берешь? Ненужное?

— Нахожу.

Он представил ее, роющуюся где-то в чулане в поисках старого тряпья. Все это выглядело дико.

— А потом? — спросил он.

— Кромсаю на мельчайшие кусочки, а потом выбрасываю.

— Что ни попадя?

— Режу свои старые вещи, из которых выросла. Всякое тряпье. Колготки дырявые. Как-то залезла на

чердак — там куча старого тряпья. Почти весь день сидела и резала.

Он ошарашенно смотрел на нее:

— Свет, ты надо мной издеваешься?

Она как-то беспомощно улыбнулась, взглянула на него серыми глазами. Ему показалось, что она сейчас заплачет. Он ткнул окурочек в кирпичную стену, ожесточенно стал его мять... Потом отряхнул руки... Засунул их в карманы и снова вынул...

Надо было уходить — этот дурацкий разговор был окончен. Но он оставался на месте. И она, сделав шаг в сторону, топталась перед дверью. Сейчас уйдет, думал он, надо бы еще о чем-то ее спросить, может быть, переменить тему, какая-то она нелепая — надо же — режет, подумать только...

— Все режешь подряд? — выдавил он из себя.

— Да.

— Без разницы?

— Ну, люблю, конечно, больше носильные вещи.

— Свои?

— Брат вырос из многих своих вещей.

— Мужские вещи тоже любишь резать?

— Да, — она полузакрыла глаза, чуть отвернулась, на лице ее проступило отчаяние, улыбка давно исчезла. — Люблю.

— А как ты их режешь? Просто кромсаешь? Бессистемно?

— Нет, — она колебалась. — Я режу аккуратно. Последовательно. Потихоньку. От низа доверху.

Боже, какая дура, подумал он.

Валерий Шемякин

— Думаете, я дура, — сказала она. Кажется, она жалела о своей откровенности.

— Ну... Некоторые камушки собирают, перышки всякие, этикетки от бутылок. Лобзиком там...

— Извините, — она вздохнула. — Я пойду.

— Погоди, — в его голове мелькнула совершенно дикая мысль. — А когда ты видишь мужчину... Ну, который тебе нравится... Симпатичный как бы... Ты глядишь на него и при этом...

Она напряженно смотрела на него, дожидаясь конца его тирады. Ее руки были сжаты в кулаки, и на костяшках выступили белые пятнышки.

— Ты что, при этом?.. — он не знал, как закончить фразу. — Ты что, при этом хочешь его ножницами?..

Она вся сжалась, глаза ее были широко раскрыты, она нервно хихикнула и произнесла:

— Да. Хочу...

— Искромсать?

— Искромсать.

Они снова замолчали. Потоптались на месте. Она сделала шаг к дверям и, уже переступая порог, обернулась и что-то быстро начала говорить, она говорила, как ей нравится, когда он правит ее текст, это так здорово, на столе у него ножницы, и ей кажется, что он сейчас схватит эти ножницы и станет резать... И снова замолчала.

— Ну, говори! Я не понимаю.

— Да ерунда!..

— Тебе хотелось схватить эти ножницы?.. Так?

— Не совсем. Не только. Мне хотелось, чтобы вы схватили эти ножницы и все вокруг порезали...

— Все вокруг?

— Да.

— Шторы?

— Да.

— Одежду?

— Да.

— Все, что одето на тебе?

— Да.

— А ты?..

Она не ответила. Он вытащил из кармана очередную сигарету. Она повернулась, подошла к нему и чиркнула перед ним зажигалкой.

— Ясно, — сказал он. — Все это, конечно, необычно...

— Психоз?

— Нет. Я не о том.

— Я дура. Вы теперь будете думать...

— Ничего *такого* я не буду думать. И говорить никому не буду. Не бойся. Только один вопрос еще. Много ли тебе встречается людей, на которых тебе очень хочется порезать одежду?

— Нет.

— И тебе действительно хочется, чтобы я взял ножницы и порезал на тебе одежду?

Она не ответила.

— Взял бы ножницы и искромсал бы на тебе всю одежду?..

Она молчала.

— В мелкие кусочки?

Она не промолвила ни слова. Смотрела на него удивленно и, казалось, чуть испуганно.

Валерий Шемякин

— Ну, ладно, извини. Я пошел.

— Мне бы хотелось, — тихо произнесла она ему в спину, — порезать всю вашу одежду.

Он вздрогнул, будто его ударили током. Повернулся.

— Ну, — выдавил он. — В чем же дело? Мне не жалко. Невелика ценность.

На протяжении следующих полутора часов они не произнесли ни слова. Вышли на дорогу. Поймали такси. Приехали к нему домой.

Она стояла посреди комнаты, разглядывала обстановку, ждала, пока он искал ножницы.

Он подошел к ней, протянул ножницы и сказал:

— Начинай.

— Если вам это жалко, — ткнула она пальцем куда-то в его свитер, — можно надеть старые вещи.

— Чего там, — он махнул рукой.

— Наденьте что-нибудь цветное. Яркие вещи лучше звучат.

Он удивленно посмотрел на нее и, секунду поколебавшись, полез в шкаф. Достал оранжевую рубашку, подаренную ему когда-то бывшей женой. Рубашка была из блестящей, какой-то атласной ткани, приталенная, с огромным отложным воротником и черными пуговицами. Он ни разу ее не надевал. Достал светло-голубые джинсы, их он тоже не носил, они были ему уже тесноваты, чрезмерно обтягивали...

Пока он переодевался, она с отсутствующим видом щелкала ножницами. На ней были светлые,

Вторые руки

гладкие брюки, блузка из блестящей кремовой ткани с дырочками и ленточками, завязанными в бантики на рукавах и ключицах. Босоножки она сбросила у входа и теперь босиком стояла возле окна, ногти были украшены перламутровыми золотистыми пятнышками.

Она начала первой. Легла на пол, выпятив зад, натянула штанину джинсов и начала неторопливо, аккуратно, ровными ленточками по низу ее кромсать, чуть прикасаясь изредка холодным металлом к его ноге. Отрезала первую полоску. Потом вторую... Дошла до колена и остановилась. Он сбросил полоски со ступни и попытался представить, как он выглядит со стороны. Вид, должно, был дурацкий. Но он ничего не сказал, взял у нее ножницы и в свою очередь опустил на пол. Начал методично кромсать ее светлые брюки. Ткань скрипела чуть слышно, когда он резал ее — она действительно была плотной. Он делал это поначалу торопливо, ленточки от ее брюк получались у него широкими и неровными. Потом успокоился и стал резать ровнее, почти как она, неторопливо, аккуратно, эластично.

— Не обязательно делать как я, — сказала она. — Можно фигурками резать, волнами, уступами... Как рука идет...

Он вдруг ощутил себя зависимым от нее, от ее опыта и умения, от ее способности видеть какие-то вещи не так, как он, более пронизательно, что ли. Он стал резать волнами, потом барашками, потом попытался изобразить зигзаг молнии. Нарезал сни-